

ПЕРВЫЕ
КНИЖКИ
О ЖИВОТНЫХ

Н. Сладков

Кто живёт во льдах

Аванта

Москва 2019

ВО ЛЬДАХ

Снежные и ледяные поля то сверкают в свете полярного дня, то тонут во мраке полярной ночи. Ночи длиной в полгода, чёрной и непроглядной. Лишь качаются и полыхают в небе северные сияния — сполохи: зелёные, красные, синие.

Но наступает конец и долгой полярной ночи. Однажды краешек солнца — одна макушка! — высунется из-за горизонта. Свет его ещё багровый и тусклый — но как все рады солнцу и свету! Начинается праздник солнца, праздник весны. В Арктику пришёл день.

День тут тоже полярный, долгий. Солнце перестаёт заходить, и во всей суровости и красоте открывается глазам страна звонких льдов и пушистых снегов.

И всюду жизнь: видимая и невидимая. Не видны на белом снегу белые песцы и медведи, зато хорошо заметны белые чайки на чёрной воде и чёрные тюлени на белых льдах.

А сколько весной жизни на шумных птичьих базарах! Мелькают крылья, звенят голоса, гудит в серых скалах эхо...

Птичий базар

Тёмные отвесные скалы у моря, на карнизах рядами птицы, словно белые бусы. Это птичий базар. «Базар» — потому, что всегда тут крик, гам, сутолока — как на настоящем базаре. Не могут птицы решить: чьё гнездо лучше? Днём спорят, ночью спорят: благо, летом тут и ночью светло как днём.

— И чего спорите! — взвизгивают чайки-моёвки. — Гнездо — это постройка из травы и стеблей. Вот как у нас. Всем сразу видно, что это гнездо, и что оно — самое лучшее. Это даже птице Тупику ясно!

Но Тупик с чайками-моёвками не согласен:

— В том-то, Моёвка, и беда, что твоё гнездо всем сразу видно! Прилетай и разоряй. А моё? Где моё гнездо, я спрашиваю?

— Не знаю и знать не хочу! — кричит Моёвка. — Знаю, что моё лучше!

— Никто про наши гнёзда не знает, — ворчит Тупик. — Потому что они у нас... под землёй! Мы носом норы копаем и там устраиваем гнездо. Да какое! Ветер не дует, дождь не мочит, град не бьёт. И никто его не видит. И потому моё гнездо — самое лучшее. Даже глазастой Сове его не найти.

Сверкнули золотые глаза у белой полярной Совы, с лапы на лапу переступила, пробормотала глухо:

— Всем хорошо твоё гнездо, Тупик, только уж больно скучное. Ничего-то из него не видно, а сколько вокруг интересного! А ты сидишь под землёй, как какой-нибудь лемминг-грызун. И даже в ясный полярный день у тебя в норе непроглядная ночь. Нет, с моим гнездом твоё гнездо не сравнить: сижу на вершине холма, люблюсь на все четыре стороны. Совята под боком — мал мала меньше. Они у меня не один день выводятся. Старшие младших греют. Интересно — и все при деле. И лучшего гнезда вам не найти.

— Подумаешь, птенцы у неё друг друга греют! — прошипела снизу Гага. — У меня само гнездо греет! Слыхали про тёплый гагачий пух? Нащиплю с живота, укрою яички, как пуховым одеялом, и плаваю без забот. Пока досыта не наемся. А яички в гнезде тёплые-тёплые. Вот оно лучшее-то гнездо!

Но никто ни с кем не согласен. Каждый расхваливает своё, других и слушать не хочет. Одна только Кайра ни с кем не спорит.

— Я, — говорит, — со всеми согласна. И с вами, чайки-моёвки, и с вами, тупики, и с гагами и с совой. У всех у вас гнёзда хорошие. И были бы они самыми лучшими — если бы не моё!

Тут пуще прежнего началось-поднялось — вот базар так базар!

Все напустились на Кайру: пищат, хрипят и визжат.

— У неё и гнезда-то нет, а пуще всех похваляется!

— Есть у меня гнездо, — отвечает Кайра, — только вам не видно его, оно у меня... ходячее! Не на скале, не в норе, а у меня на лапках!

Приподнялась Кайра, и все увидели, что яйцо лежит на её широких перепончатых лапках, а сверху она прикрывает их животом. Так птенца и высиживает. И даже может с яйцом по карнизу передвигаться; чуточку влево, чуточку вправо. Сколько надо.

Вот это гнездо — ходячее! Все даже клювы раскрыли от удивления. И чуть уж было не согласились, что кайра самая расторопная и что лучшее гнездо — у неё. Но вовремя спохватились.

— Может, её гнездо и хорошее, но нам оно не подходит.

